

— А? Волосы? — Чэн Лян недоумённо вскинул руку и коснулся макушки. Нашупав пальцами гладкую проплешину, он замер, а в следующий миг резко сел на земле. — Блядь...

Он совсем позабыл об этом. Видимо, кепка слетела, ещё когда он прыгнул в воду.

Е Мянь прыснул. Он честно пытался сдержаться, но Чэн Лян сейчас выглядел до безумия нелепо.

Вокруг плечи красовалась густая шевелюра, а посредине зияла круглая ямка.

— Сука, я больше не могу! Ха-ха-ха! Ты как умудрился поймать кризис среднего возраста так рано? Прямо посреди башки плешь! Ха-ха-ха-ха!

Парень сидел, упираясь ладонями в мокрую землю. Вымокшая насквозь одежда облепила тело. Он хохотал во все горло, содрогаясь всем телом. Стоило ему на секунду успокоиться и снова бросить взгляд на Чэн Ляна, как его опять душил смех. От недавних слез глаза его все еще оставались покрасневшими.

Влажные ресницы слиплись, мокрая челка упала на лоб. Куда только делась привычная холодная отстраненность? Сейчас Е Мянь казался на удивление... беззащитным. Ни следа от той ярости и дикости, с которой он только что дрался. Глядя на него, безумно хотелось повалить его обратно на землю и как следует потрепать.

Чэн Лян долго думать не стал. Пока Е Мянь заходился от смеха, он толкнул его навзничь, уселся верхом на бедра и бесцеремонно убрал мокрые волосы с лба.

— Смейся-смейся. У тебя у самого на затылке рана, так что стричься все равно придется обоим. Ну-ка, дай посмотрю... Где там у тебя прилетело? Ага, вот здесь.

Он даже не столько нащупал, сколько увидел рану. Чэн Лян лишь слегка коснулся пальцами кожи вокруг рассечения. Бутылка ведь разлетелась вдребезги — тяжело даже представить, какая это была дикая боль.

До самой раны он дотрагиваться не стал: края сильно припухли, а после купания в реке все могло воспалиться еще сильнее.

— Чэн Лян, не наглей, — глухо отозвался Е Мянь. — То, что мне сейчас неохота махать кулаками, не значит, что тебе все дозволено.

За сегодняшний день он пережил слишком много стычек. Силы были на изходе, тело налилось свинцовой усталостью. Больше всего на свете ему хотелось просто лежать и не шевелиться.

Поваленный на землю, он даже не пытался подняться. Лениво толкнул Чэн Ляна в грудь, но, поняв, что сдвинуть эту тушу не выйдет, просто опустил руки.

— Предупреждаю: слезай по-хорошему, пока я тебе не врезал.

— И как ты это сделаешь? Я твои ноги держу, — ухмыльнулся Чэн Лян.

— Руками лицо начищу, — огрызнулся Е Мян.

— Ну попробуй.

Чэн Лян нащупал в траве нунчаки и, перехватив запястья Е Мян, быстро обмотал их цепью. Тот даже не сопротивлялся — понимал, что сейчас это бесполезно.

— Отлично. Руки связаны, ноги прижаты. Ты теперь у нас военнопленный, — издевательским тоном протянул Чэн Лян. — А теперь думай, боец, как будешь спасаться из плена?

Е Мян помолчал пару секунд, а потом спросил:

— А ты тогда кто?

— Я? А я бессовестный злодей, который издевается над беспомощными пленными, — вызывающе заявил тот.

«Бессовестный злодей»... Надо же было до такого додуматься.

— Слушай, я хочу сказать кое-что... Насчет того, что случилось в ресторане, — тихо произнес Е Мян.

«Насчет того, что случилось?» Он имеет в виду инцидент у шведского стола?

— Говори, я слушаю, — посерьезнел Чэн Лян.

Е Мян шевельнул указательным пальцем:

— Наклонись ниже. На ухо скажу.

Чэн Лян, ничего не подозревая, наклонился. Он догадывался, что та женщина — мать Е Мян, но сам расспрашивать не решался. Раз уж парень решил открыться сам, это было к лучшему.

Однако в следующий миг он сдавленно шикнул от боли:

— Твою мать!

Е Мянью мертвой хваткой вцепился зубами в его ухо. И если сам Чэн Лян до этого лишь дразняще прикусил его, то Е Мянью цапнул от души, не жалея сил.

— Бля, брат Мянью, ты тоже в год Собаки родился? — Чэн Лян отпрянул, потирая горящее ухо.

Естественно, когда Чэн Лян схватился за ухо, цепь ослабла. Е Мянью тут же высвободил руки.

— Считаю до трех, и чтоб тебя здесь не было. Руки-ноги ты мне, может, и свяжешь, но зубы у меня свободны. Не слезешь — загрызу к чертям.

— Ладно, ладно, сдаюсь, — Чэн Лян примиряюще поднял ладони и сполз на землю.

Лежать на сырой земле одному Е Мянью сразу стало скучно. Он поднялся на ноги. Они стояли на самом берегу реки.

— Пошли, придурок. Начнется прилив — нас тут смоет, — бросил он, подбирая нунчаки.

Поднимаясь обратно на мост, Е Мянью радовался лишь одному — телефон лежал в рюкзаке. Снять его перед тем, как прыгнуть в воду, было чертовски правильным решением. Иначе новенький мобильник приказал бы долго жить, и он потом исходил бы желчью не один день.

Подойдя к перилам, он поднял рюкзак, расстегнул молнию и заглянул внутрь. Банковские карты на месте, удостоверение личности тоже... А где наличные? Где телефон?!

— Да вы издеваетесь! Сука! Блядь! Твою же мать!

Чэн Лян неторопливо подошел сзади:

— Что стряслось?

— Чэн Лян, рот я твой манал! Какого хрена тебе сдалась эта дурацкая железка?! У меня телефон сперли! — в ярости выкрикнул Е Мянью и со всей силы швырнул нунчаки на асфальт.

Чэн Лян посмотрел на беснующегося парня, который, казалось, готов был разнести этот мост по кирпичикам.

— Сурово. Но за порчу муниципального имущества придется платить штраф.

Он взял Е Мян за руку и потянул за собой.

— Помнишь, я задолжал тебе миллион? Начнем выплачивать проценты. Пошли, мне все равно тоже нужен новый телефон.

Едва утихнувшая злость вспыхнула с новой силой:

— Чэн Лян, ты debil? Какая муха тебя укусила сигануть с моста ради какого-то мусора? Сам вымок до нитки, меня заставил искупаться, так еще и из-за тебя у меня мобилу увели!

Чэн Лян мысленно вздохнул. Ситуация становилась щекотливой. Как теперь утихомирить этого зверя?

Он постучал пальцем по своей лысеющей макушке:

— Ага, debil. Сам видишь. К тому же я еще и кепку потерял. Мне теперь так по улице идти? Стыдоба ведь. Прикроешь меня?

«Дебил. Признаю».

Он нагнулся и подобрал брошенные нунчаки.

— Раз уж для тебя это мусор, то я заберу его себе. Не против?

Чэн Лян говорил с неизменной легкой улыбкой. Е Мян искренне не понимал, что тут смешного.

Посмотрел бы этот придурок на свою плешистую голову в зеркало — сразу бы улыбка сползла. Хотя, зная Чэн Ляна, он наверняка уже оценил масштаб катастрофы через фронталку, пока они были на берегу.

Е Мян скользнул взглядом по его макушке, и вся злость внезапно испарилась.

— Блядь, сил моих на тебя нет... Ничего я прикрывать не буду, дегенерат. Тебе эта прическа чертовски идет.

Буквально за пару секунд улетучилось все: и досада от глупого прыжка в воду, и обида на воришек.

— Ладно, — вздохнул Чэн Лян, прикрывая ладонью плешь. — Пошли тогда ко мне. Надо помыться и переодеться.

— К тебе? — переспросил Е Мянь.

— Ага. Тут недалеко, я квартиру снимаю.

Они пришли в один из жилых комплексов в центре города.

— Ты один живешь? — спросил Е Мянь, переступая порог и оглядываясь. На обувной полке стояла всего одна пара домашних тапочек.

— Один, — подтвердил хозяин квартиры.

Чэн Лян сам был местным, из Биньяна, но почему-то предпочитал снимать жилье отдельно. У каждого свои семейные скелеты в шкафу, поэтому Е Мянь не стал лезть с расспросами.

Чэн Лян поставил единственные тапочки перед гостем, а сам остался босиком.

Обстановка внутри выглядела стильно. Для обычного школьника, живущего в одиночку, квартира казалась излишне роскошной — пусть даже и съемная.

«Богатые детки всегда остаются богатыми детками», — мысленно усмехнулся Е Мянь.

Это был двухэтажный пентхаус на верхнем этаже здания. На окнах висели строгие жалюзи, мебель дышала дороговизной, а интерьер явно создавался по индивидуальному дизайнерскому проекту — каждая деталь находилась строго на своем месте. На стене в гостиной, прямо напротив телевизора, висел огромный портрет. Изображенный на нем человек не был знаменитостью, да и на Чэн Ляна совсем не походил.

— Иди в душ быстрее, — Чэн Лян протянул ему стопку одежды. — Надеюсь, не брезгуешь? Вещи мои, но мы с тобой примерно одного телосложения, должны подойти.

— Спасибо, — Е Мянь взял одежду.

Все бы ничего, но как быть с бельем? Штаны и футболка — это хорошо, но трусы у него промокли насквозь, и ощущение сырости в паху жутко раздражало.

Он нерешительно посмотрел на Чэн Ляна. Спросить напрямую, нет ли у того чистых трусов? Или попросить сбежать в магазин за новыми? Язык не поворачивался. Когда ты сам кому-то что-то даешь — это одно, но когда приходится просить о таких интимных вещах... Это было

слишком неловко. Е Мянью мучительно соображал, как поступить.

— Чего стоишь? — спросил Чэн Лян. — Я уже набрал ванну, вода теплая, как раз согреешься. Чистое полотенце положил рядом с бортиком, сразу увидишь.

Забота была действительно трогательной.

Е Мянью надеялся, что Чэн Лян сам догадается, но тот, видимо, упустил эту деталь из виду — выдал только верхнюю одежду. В итоге он так ничего и не сказал и молча ушел в ванную.

Ванная комната в квартире была просторной и уютной. Но в чужом доме Е Мянью чувствовал себя не в своей тарелке. Ему казалось, что он стесняет хозяина, отчего внутри нарастало глупое чувство зажатости.

Не став нежиться в ванне, он быстро ополоснулся под душем и принялся вытираться полотенцем. В этот момент раздался стук в дверь.

Первой мыслью Е Мянью было: «Слава богу, я заперся».

— Что надо? — крикнул он.

— Кое-что забыл отдать.

— Что именно?

— Трусы, — отозвался Чэн Лян за дверью. — Совсем забыл выдать тебе белье. Сам-то не заметил?

«Идиот, конечно заметил. Почему раньше молчал?» — подумал Е Мянью.

— Заметил, — буркнул он вслух.

— Ну вот. Открывай давай, я у порога оставлю. Ходить без трусов под джинсами — так себе удовольствие.

Е Мянью приоткрыл дверь и высунул руку, надеясь просто забрать белье. Однако трусов в ладони не оказалось. Вместо этого Чэн Лян бесцеремонно втиснулся плечом в проем и окинул его взглядом с головы до ног.

Е Мянью скрываться не стал и спокойно выдержал этот изучающий взгляд. Он просто вырвал боксеры из другой руки Чэн Ляна.

— Исчезни, плешивый.

Дверь с грохотом захлопнулась прямо перед носом Чэн Ляна, едва не прищемив ему нос.

Е Мянью усмехнулся, глядя на белье в руке. Хорошо, что он успел заранее натянуть домашние штаны, оставшись без футболки.

По ту сторону двери Чэн Лян довольно улыбнулся. Е Мянью даже не догадывался, что эти трусы...

Были не новыми.

В квартире был всего один совмещенный санузел. Дождавшись, пока гость выйдет, Чэн Лян прихватил свои вещи и лениво побрел мыться. Перед этим он бросил:

— Фен в шкафчике под раковиной. И еще, я оставил тебе стакан воды на столе.

Е Мянью высушил волосы и убрал фен на место. На оставленный стакан он поначалу даже смотреть не хотел.

Но какая-то неведомая сила заставила его подойти и сделать глоток. Вода оказалась теплой, а на дне плавало несколько ягод годжи. Осушив стакан до дна, Е Мянью покачал головой. Какая муха укусила парня в его возрасте пить теплую воду с годжи? В сочетании с плешью на голове Чэн Лян теперь окончательно превратился в типичного китайского пенсионера.

Оба умудрились залезть в воду с ранами на головах, совершенно не думая о последствиях.

Когда Чэн Лян вышел из ванной, он лишь небрежно потер волосы полотенцем и тут же нацепил на голову запасную кепку.

— Пошли. Сначала заедем в больницу, надо зашить твою голову. А то рана на макушке...

Пока они возились, на город успели опуститься сумерки. Воздух на улице ничуть не остыл. Стоило выйти из прохлады кондиционера, как кожу тут же обдало душным вечерним зноем.

Опасения Чэн Ляна подтвердились: Е Мянью действительно требовалось наложить швы. А для этого пришлось выбрить волосы вокруг раны. Посреди его головы образовался заметный пустырь. Впрочем, поскольку Е Мянью и так носил короткую стрижку, это выглядело не столь комично, как плешь Чэн Ляна.

Пока врач орудовал ножницами и иглой, Чэн Лян стоял рядом и преспокойно снимал весь

процесс на камеру телефона.

Он развалился на стуле, широко расставив ноги, и самодовольно улыбался. Закончив съемку, он тут же пересмотрел получившиеся кадры несколько раз. Жаль только, рана была на затылке, так что лица Е Мяня в кадре не было видно. Столь эпичный момент определенно заслуживал остаться в истории.

Чэн Лян поднялся со стула и как бы невзначай встал прямо перед Е Мянем. Он делал вид, будто увлеченно скроллит ленту, хотя его палец даже не касался экрана — объектив камеры был направлен прямо на парня. В ту же секунду Е Мянь поднял глаза и уставился прямо в камеру, недовольно нахмурившись:

— Хули ты снимаешь? Телефон сейчас разобью.

Чэн Лян лишь усмехнулся:

— Ух ты, какие мы дерзкие, телефоны бить собрался. И кого я, по-твоему, снимаю? Призрака? Где ты тут призрака увидел?

Примостившись на краю медицинского стола и свесив одну ногу, он, раз уж его раскрыли, принялся снимать совершенно в открытую, выбирая разные ракурсы.

Когда врач закончил накладывать последний шов, Чэн Лян сохранил видео и продублировал его в облако, после чего с чувством выполненного долга убрал мобильник. Он продолжал любоваться своим «шедевром» — фотографиями и короткими роликами.

Перед ним выросла фигура. Чэн Лян крепче сжал смартфон в руке, поднял голову и улыбнулся:

— Уже все?

— А ты как думал? — Е Мянь требовательно протянул руку. Чэн Лян тут же спрятал телефон за спину.

Но Е Мянь целился не в мобильник. Он ловким движением сдернул кепку с головы Чэн Ляна и нацепил ее на себя.

— Теперь она моя, — безапелляционно заявил он и направился к выходу из кабинета.

Чэн Лян поспешил следом. Он по-свойски закинул руку Е Мяню на плечо и заглянул ему в лицо:

— Проголодался? Пошли перекусим чего-нибудь.

— Не хочу, — отрезал тот.

— Ты у меня последнюю кепку отобрал. Мне-то теперь как светить своей красотой? — не унимался Чэн Лян.

— Твои проблемы. Думай сам, как маскировать свою лысину, — бросил Е Мяннь.

Чэн Лян призадумался:

— Есть один надежный способ. И тогда никому из нас вообще не понадобятся головные уборы.

— Пересадка волос? — съязвил Е Мяннь.

— Мимо, — Чэн Лян покачал головой. — Пошли, покажу.

— Никуда я не пойду, — холодно отозвался тот.

— Я серьезно. Если не согласен — давай решим вопрос по-мужски. Кто победит в драке, тот и решает.

— Псих.

Они неспешно шли вдоль улицы, застроенной бесконечными рядами торговых лавок и заведений. Вскоре Чэн Лян остановился и указал пальцем на одну из вывесок:

— Пришли. Вот эта вроде приличная. Просторная, и зазывалы у входа не крутятся.

«Зазывалы?» Е Мяннь удивленно приподнял брови, гадая, куда его притащили. Он проследил за направлением руки Чэн Ляна и уперся взглядом в парикмахерскую. Застыв на месте, он недоверчиво покосился на спутника:

— Ты все-таки решился на трансплантацию?

— Да нет же. Зайди — сам все поймешь.

Он буквально затащил Е Мянню внутрь. Народу в парикмахерской было полно. Мастера увлеченно колдовали над прическами клиентов, поэтому вошедших парней заметили далеко не сразу — им пришлось простоять у порога с полминуты.

— Добро пожаловать! Какую процедуру желаете? — наконец подскочил к ним администратор.
— У нас сейчас как раз действует отличная акция. При оформлении клубной карты скидка на трендовую химическую завивку... Обычная цена тысяча пятьсот шестьдесят восемь юаней, а по акции — всего тысяча триста шестьдесят восемь!

— Карты не нужны, спасибо. Нам просто подстричься. Ему и мне, — перебил его Чэн Лян.

Он окинул взглядом зал, заметил два свободных кресла по соседству и потянул Е Мяня туда, усадив его на дальнее сиденье, а сам устроился рядом.

Мастер впервые видел настолько самостоятельных клиентов. Он подозвал двух девушек-ассистенток:

— Проводите молодых людей на мытье головы.

— Не надо, — вмешался Чэн Лян. — Мы только что из душа, головы чистые. Нам просто стрижку, так что мытье в счет не включайте.

Парикмахер и не с такими экономными клиентами сталкивался, поэтому спорить не стал:

— Хорошо.

— Итак, молодые люди, какую стрижку выбираем? Могу предложить ультрамодные варианты этого сезона. Вот, к примеру, точно такую же прическу сейчас носит один очень популярный айдол...

— Послушайте, давайте без лишних прелюдий, — прервал его Чэн Лян. — Карты нам не нужны, укладывать ничего не надо, мыть тоже. Нам нужна самая простая стрижка. Под ноль. Обрейте нас налысо, делов-то на пять минут. Мы с другом очень спешим.

С этими словами он заговорщицки подмигнул сидящему рядом Е Мяню.

Е Мянь сделал вид, что не заметил этого жеста, но суть предложения уловил. Стрижка под ноль... Значит, Чэн Лян притащил его сюда, чтобы они оба побрились налысо.

Вот он, его гениальный план спасения от необходимости носить кепки.

Что ж, резонно.

Е Мяню было абсолютно все равно. Налысо так налысо. Он стянул с головы трофейную кепку и бросил парикмахеру:

— Давайте. Под ноль.

Мастер удивленно моргнул. Обычно парни их возраста, да еще с такой эффектной внешностью, трясутся над каждым волоском. Бывает, конечно, что приходят просто укоротить длину, но чтобы добровольно бриться наголо, да еще и дуэтом — такое в его практике случалось впервые.

Но когда клиенты сняли головные уборы, парикмахер и вовсе лишился дара речи. Мама дорогая, что вообще произошло с этими ребятами? Их кто-то погрыз? Или среди молодежи нынче вошла в моду столь экстравагантная асимметрия?

Впрочем, надо отдать должное — даже с такими жуткими проплешинами оба выглядели чертовски привлекательно. Настоящих красавцев ничем не испортишь.

Перед тем как включить машинку, Чэн Лян повернулся к мастеру Е Мян:

— Извините, еще один момент. У него свежие швы на голове. Пожалуйста, будьте аккуратнее, не заденьте рану. Спасибо.

Насчет себя он не переживал. Машинки зажужжали, срезая пряди.

Оба парня, словно сговорившись, одновременно закрыли глаза. Спустя несколько минут над ухом раздался голос мастера:

— Готово, можете оценивать работу.

У Е Мян и до этого волосы были не слишком длинными, так что особой разницы он не почувствовал. Но все же увидеть себя абсолютно лысым впервые в жизни — ощущение было странным и интригующим. Мельком глянув на свое отражение, он тут же повернул голову к соседнему креслу.

Их взгляды встретились в зеркальной глади, и они в один голос выдохнули:

— Охренеть...

<http://bllate.org/book/18333/1862721>